

УХОДЯЩАЯ НАТУРА: КАК МЫ ВИДИМ ЧЕЛОВЕКА СЕГОДНЯ¹

Наша тема – сегодняшний человек, основы наших представлений о нем. Но уже в названии темы есть некоторые дополнительные акценты: мы подчеркиваем, что речь должна идти о человеке *сегодня*, и добавляем формулу «уходящая натура». Все это вносит настойчивый мотив перемен. Мы не говорим: давайте опишем человека, каким он ныне существует и каким был всегда, от века. Напротив, мы о нем сразу говорим как о меняющейся реальности: давайте зафиксируем, каков он на сегодня, и притом – поторопимся это сделать, поскольку он – «уходящая натура». Это последнее выражение пока непонятно, открыто: кто – уходящая натура? Человек сегодняшний или, может быть, даже и вообще человек? Смысл этой формулы – это, если угодно, интрига нашей лекции, и далее в течение всей лекции мы будем этот смысл раскрывать.

Для начала же констатируем: человек меняется. Усилим это суждение: человек сейчас меняется быстро и радикально. Это с неизбежностью отражается и на социальном уровне, на структурах общества, на глобальных процессах. Имеет место нарастающая динамика антропологических, социальных, исторических изменений, и наука сегодня все более соглашается в том, что во всех этих планетарных переменах главную и определяющую роль играют именно изменения человека. Априори возможно, что это – изменения не положительные, быть может, опасные, быть может, даже катастрофические. Еще относительно недавно твердо предполагалось, что в крупном масштабе, вопреки всем частным негативным событиям и явлениям, изменения все же имеют преимущественно положительную направленность. Доминировала идея прогресса, вера в победительную силу разума и добра, убежденность в том, что в истории происходит, сквозь все трудности и отклонения, определенное усовершенствование и человека, и общества. Сегодня, однако, у нас нет уже этой счастливой уверенности. Но вместе с тем нет и перехода на противоположные позиции. Нельзя не видеть множества тревожных и опасных тенденций в современном мире (мы будем их еще обсуждать дальше), однако нельзя и делать

¹ Лекция, прочитанная в Доме Лосева в 2016 г.

поспешных, как говорят сегодня, алармистских выводов о надвигающихся и якобы неминуемых глобальных потрясениях и катастрофах. Считать развитие событий предопределенным нет научных оснований. Поэтому ситуация видится как предельно, фундаментально открытая, как к худшим, так и к лучшим сценариям и возможностям. И чтобы оценить эти возможности, сделать выбор между этими сценариями, необходимо трезвое, пристальное аналитическое обозрение происходящего – прежде всего, происходящего с человеком, с наличною антропологической реальностью. Подобное обозрение мы и попробуем представить.

Наше обозрение должно будет также учесть важный дополнительный аспект. В том, каким мы видим человека сегодня, есть еще одна крупная особенность, ломающая старые представления. Мы отметили, что человек не является неизменным, а меняется. Но наряду с этим, он еще и не представляет собою нечто одно, нечто единое и единственное, но является сборным, множественным, не монистическим, а плюралистическим. Он осуществляется в целом ряде независимых версий, формаций, так что правильным будет сказать, что человек – это не некоторое «человеческое существо», а скорее – набор, ансамбль существ, которые отличаются друг о друга в самых основах своего строения, базовых структурах. В итоге, современная мысль о человеке представляет его множественным и меняющимся образованием, динамическим ансамблем различных существ, которые к тому же находятся в некоторых отношениях между собой. Это довольно непростой образ человека, и сегодня он еще нов и непривычен. Чтобы его понять, освоиться с ним, необходимо связать его с привычными нам, классическими представлениями о человеке, согласно которым он рассматривался как нечто единое и неизменное. ***Сегодняшний образ человека нельзя понять вне его истории.*** Обращение к истории необходимо еще и оттого, что для описания человека необходим научный язык, не бытовой, а философский, построенный в терминах и понятиях. Фундамент этого языка был создан именно в прежней классической антропологии, и он был настолько прочен, что даже сегодня, после многих веков, после всех грандиозных перемен и в самом человеке, и в науке о нем, мы еще во многом на него опираемся.

Итак, для предстоящего разговора о современном человеке нам необходимо основательное отступление вглубь, в историю человека и мысли о человеке.

Начать следует с фундамента. Как почти во всех областях деятельности европейского разума, основы нашего антропологического мышления закладывались в Древней Греции, и поэтому наш экскурс в историю мы начнем с краткого описания античных воззрений. Эта дань греческой античности особенно уместна здесь, в доме ее великого исследователя Алексея Федоровича Лосева. Вслед за фундаментом, мы бегло проследим историю превращений образа человека, ставя во главу угла главнейшие векторы этих превращений – от неизменности к изменямости и от единства к множеству, плюрализму.

I. Образ человека в его превращениях

1. Человек неизменный и единый: классическая европейская антропология

Итак, начнем с образа человека в античной антропологии. В целом, античная мысль скорее космоцентрична, чем антропоцентрична, необъятный окружающий мир занимает ее больше, чем человек. Долгое время античность скорее рождает отдельные интуиции о человеке, нежели создает его цельный образ или тем более философскую концепцию. Но безусловно подобное отсутствие цельного образа могло продолжаться только до Аристотеля. Созданный им грандиозный синтез античного умозрения не мог не включать в себя и систематической концепции человека. Как и все разделы системы Аристотеля, эта концепция строилась на фундаменте главного Аристотелева понятия и принципа, принципа **сущности** (*ousia, essentia*). Сущность – это найденный Аристотелем мощный принцип, которым объединяется весь порядок вещей, как чувственных, так и умственных. И человек Аристотеля, как все в мире, есть также некоторая конструкция из разнообразных сущностей. То, что его выделяет в этом сущностном или же эссенциальном миропорядке, есть *ум*, способность познания, и жизнь, подчиненная уму, действия, управляемые умом. Ум – это высшее, благородное, достойное в человеке; а раз есть высшее начало, то есть и определенное *назначение человека*, которое состоит в том, чтобы служить высшему, обеспечивать его воплощение. Дальше отсюда возникает понятие *счастья*: это не что иное как полное осуществление человеком своего назначения, т.е. свободной и чисто созерцательной, не подчиняемой никаким прикладным нуждам, деятельности ума. И наконец, в свою очередь, отсюда появляется идея *цели существования человека*: человек существует для того,

чтобы достигать счастья. Таким образом, во всем множестве поступков и действий человека выделяются те, что служат реализации его назначения; и они составляют особую категорию нравственных поступков. Появляется задача различать нравственные и не нравственные поступки, и для решения такой задачи необходим особый род познания – этика, наука о нравственном действии. Такова, в главном, концептуальная схема антропологии Аристотеля. Как мы видим, ядром и стержнем этой антропологии служит этика счастья и созерцательного познания. Сущностный же ее характер проявляется в том, что она целиком нормативна. Сущности связаны между собой отношениями причины и следствия, и эти жесткие связи имеют природу законов. Поэтому античный человек всецело заключен в систему законов и норм.

Эта простая и стройная схема служила фундаментом европейского понимания человека в течение многих столетий. Потребовались лишь немногие элементы для того, чтобы она стала законченным зданием классической европейской антропологии. И это поистине удивительно. Произошла смена мировых эпох, античный мир канул в прошлое, мир христианский утверждал свой полный разрыв с ним – однако при всем том понимание человека и описание человека сохранили Аристотелеву основу. Потребовалось, по сути, всего единственное кардинальное дополнение. Как часто и справедливо говорят, в античности отсутствовала идея личности, как мы понимаем ее сегодня: идея *актора*, т.е. фигуры, которая представляет собой порождающий исток и центр актов, независимого агента действия. Конструкция Аристотеля ясно описывала, как и даже зачем человек действует и существует, но при этом самому человеку не сопоставлялось отдельного самостоятельного концепта, он был лишь сочетанием сущностей, комбинацией космических начал. Это никак не соответствовало христианскому взгляду, для которого человек – это автономная и ответственная инстанция в реальности, он имеет свободу принимать решения и совершать поступки бытийной важности. Сегодня для такой инстанции есть целый набор понятий – личность, индивид, субъект; но в античности их не было. Проблема их создания именуется «проблемой индивидуации», и ее решение заняло весьма долгое время: после ряда промежуточных этапов, связанных с трудами Августина и Боэция, со схоластикой Фомы Аквината и других, прочное и окончательное решение доставила только философия Декарта в начале 17 в. Декарт наконец представил недостающее понятие субъекта познания,

автономного действующего агента, и оно сразу стало центральным понятием антропологии, удачно завершив всю ее концептуальную конфигурацию. Еще через полтора века концепцию субъекта заметно усовершенствовал Кант, сняв самое спорное у Декарта, его знаменитое рассечение человека на *Res cogitans* и *Res extensa*, отрезанные друг от друга мыслящее и протяженное. Так появилась законченная модель человека: **Человек Аристотеля-Декарта-Канта**. Основу этого человека составляли три фундаментальные категории, сущность, субстанция и субъект. Сущность человека предполагалась универсальной, единственной и не связанной со временем, неизменной. По Канту, содержание ее было в том, что человек неотменимо и безусловно стремится к «высшему благу», которое есть «объект и конечная цель» человеческого разума.

Модель Аристотеля-Декарта-Канта стала классической моделью, вошедшей в основу всего комплекса знания, или же эпистемы, европейской науки. Эта эпистема сформировалась с ее помощью и действовала крайне успешно в течение всей эпохи Просвещения и Нового времени, почти до конца 19 столетия. Человек прочно стал пониматься как субъект, и это понятие обнаружило огромную продуктивность: для всех областей деятельности человека оказалось возможным довольно просто ввести свою аналогичную фигуру, и эта фигура, в свою очередь, становилась организующим стержнем для соответствующей науки. Декартов субъект познания служил стержнем философии, а его порождения, клоны, играли аналогичную роль в других науках: нравственный субъект – в этике, правовой – в юриспруденции, хозяйственный – в экономике и т.д.

Так сложилось цельное и внушительное здание классической европейской науки. На ее базе развернулся все более интенсивный технический прогресс, и почти неизбежно господствующей системой убеждений сделалась *теория бесконечного прогресса*, согласно которой Человек как познающий субъект есть Человек Безграничный: он формируется в процессе познания и орудийного освоения мира, и как сам мир, так и этот процесс равно бесконечны, не имеют границ ни во времени, ни в пространстве. Формирование же человека заключается в его совершенствовании, продвижении ко все более полной реализации всех его способностей и возможностей. Как видим, человек тут меняется, но надо уточнить, что сущность и природа человека при этом отнюдь

НЕ меняются. Меняется лишь степень их осуществления, воплощения, причем по теории прогресса, эта степень неуклонно растёт и будет расти.

В течение заметного времени реальное развитие западного человека и общества в крупном не расходилось с этой теорией. Выдался редкостный период долгой стабильности: вспомним, к примеру, что Осип Манделштам назвал 19 век Золотым Веком. История шла поразительно успешно; однако в моей книге «Фонарь Диогена» я заканчиваю описание данного периода словами: «Все было так успешно, что все было непоправимо».

Откуда вдруг такой поворот? Конечно, сегодня мы все знаем, что теория бесконечного прогресса больше не признается наукой и вдобавок непосредственно видим, что она отнюдь не сходится с жизнью, с действительным ходом развития общества и человека. Но как и почему это произошло? В целом, это очень общий вопрос, который затрагивает глобальную историю, эволюцию общества и общественного сознания и многое другое. Этот общий контекст увел бы, однако, нас слишком далеко, и мы из него должны выделить лишь антропологическую нить, то, что прямо относится к судьбе Человека.

Разумеется, дело в том, что классическая модель имела свои недостатки и свою ограниченность. Она развивалась в рамках классической европейской метафизики, а эта метафизика по своему философскому способу была такова, что многие свойства и стороны человека выпадали из ее рассмотрения. В первую очередь, вне ее поля зрения были свойства, характеризующие человека в целом, интегральные свойства, на которых строятся религиозная жизнь человека, его общение, его экзистенциальная сфера. Эти элементы неполноты описания весьма существенны, и я писал даже, что классической метафизике, а за нею и классической антропологии присущ своего рода *анти-антропология*. Наряду с неполнотой, в классической модели присутствовала также абсолютизация разума, и более узко, рационального человеческого разума, которому приписывались безграничные возможности, отсутствие любых пределов и рамок. В силу этого, классическая модель игнорировала существование *бессознательного*, т.е. источника определенных воздействий на сознание и на человека, который находился принципиально за горизонтом сознания и разума. Благодаря этому воздействия бессознательного производились незамечаяемо и

беспрепятственно, и у западного человека становились все более распространенными специфические явления, выражающие эти воздействия – а именно, неврозы, психозы, мании, фобии и т.п. Природа их была долго непонятна, и с носителями этих явлений обращались как с преступающими границы предписанного человеческого поведения, почти так же как с преступниками. Мишель Фуко очень глубоко изучил историю этого вопроса и ярко показал, что ранние страницы истории психиатрии, истории безумия человека совершенно близки к аналогичным страницам истории тюрьмы. Но в конце 19 в. положение в корне изменилось. Родилась современная наука психиатрии, и главное – появился доктор Фрейд.

2. Человек меняющийся, однако единый: неклассическая антропология

Фрейд создал концепцию бессознательного и сделал ее идейной основой новой обширной практико-теоретической дисциплины, психоанализа. И как постепенно стало уясняться, за психоанализом скрывалась и новая антропология, уже неклассическая, шедшая вразрез с классической моделью. В феноменах бессознательного обнаруживались строгие закономерности, из которых, в свою очередь, вытекало, что существуют некоторые антропологические структуры, причем не второстепенные, а базовые, структуры личности и идентичности, определяющие конституцию человека, не только работу его сознания, но и строение всего ансамбля человеческих проявлений, умственных, психических и соматических. В зависимости от типа, характера проявлений или, как принято говорить, паттернов бессознательного – скажем, паттерном невротических, психотических и т.п. – складываются и разные типы сознания и поведения человека. В итоге, бессознательное выступает как порождающий принцип цельного человеческого устройства, человека, каким он выступает во всех своих проявлениях и практиках. Такого человека, определяемого своими паттернами бессознательного, естественно назвать ***Человеком Фрейда***. И ясно, что этот человек резко отличен от человека, который описывается классической моделью, ибо классический человек Аристотеля-Декарта-Канта определяется отнюдь не бессознательным, а исключительно разумом. Притом классический человек, мы помним, стремится к высшему

благу, тогда как Человек Фрейда может стремиться к каким угодно предметам своих темных желаний.

Итак, основания классической модели начали разрушаться. Другим весомым ударом по этим основаниям стала философия Ницше. В противоположность психоанализу, за ней не стояло никаких научных исследований, по форме она часто была претенциозной риторикой, и тем не менее ницшевские теории о сверхчеловеке и воле к власти оказались огромным вкладом в наметившийся разрыв с классической метафизикой и антропологией. В этих теориях очень существенна была также их критическая, негативная часть: Ницше резко и вызывающе, но при этом убедительно отвергал все постулаты классического европейского мировоззрения и, в частности, принципы классической антропологии, концепции сущности, субстанции и субъекта. Долгое время именно эта негативная часть оставалась самым известным и влиятельным вкладом творчества Ницше в европейскую философию, и лишь заметно позднее, в основном, трудами Хайдеггера, пришло понимание того, что в идеях воли к власти и сверхчеловека также заложена некоторая оригинальная неклассическая концепция человека. Этот человек формирует свои базовые структуры в практиках, которые реализуют волю к власти и осуществляют переход от обычного, наличного человека к сверхчеловеку. По Ницше, данный переход имеет многие черты духовных практик, в частности, ступенчатое строение, и ряд ступеней им указывается и описывается. Таким образом, наряду с Человеком Фрейда, в тот же период рубежа 19-20 веков появляется и еще одна неклассическая модель, *Человек Ницше*.

Следует отдать должное европейской мысли: проявляя зоркость и чуткость к ситуации Человека, она начинает выдвигать новые неклассические концепции человека практически одновременно с тем, как сам Человек начинает обнаруживать крупные изменения, противоречащие классической модели. Державшаяся очень долго, эта модель вступает в период кризиса, а затем и крушения. Человек же вступает в новую антропологическую эпоху, в открытое пространство, где он – нечто неизвестное и меняющееся, и то, что с ним происходит, не имеет ничего общего с неуклонным прогрессом в актуализации некой благой природы. В 20 в. к опыту Человека Фрейда и Человека Ницше вскоре добавляется страшный опыт тоталитаризма. Он еще до сих пор плохо

отрефлектирован антропологической мыслью, и мы не можем сказать, какие специфические антропологические структуры порождает реальность тоталитарного общества. Но полностью ясно, что эти структуры, как и вся эта реальность, полярно противоположны всем основаниям классической европейской антропологии, метафизики, этики – всего культурного мира. В аспекте антропологии, классической антропологической модели здесь наносится уже последний удар. Это – удар со стороны самой реальности, антропологических практик. Что же касается мысли о человеке, то процессы продолжают быть параллельны, и после Второй Мировой войны последние удары по классической модели наносятся и со стороны науки. Происходит окончательное крушение классической модели: один за другим отбрасываются все три принципа, лежащие в ее основе – сущность, субстанция, субъект.

Для европейской философской традиции то были радикальные, революционные события. Декартов субъект в течение веков служил центральной осью, становым хребтом философии, с ним были связаны вся архитектура философского метода и весь аппарат философского рассуждения. Поэтому отказ от него был воспринят драматически, получив громкое название «Смерть Субъекта». Старая антропология исчезает полностью. Но в тех представлениях о человеке, что приходят на смену, продолжает долго держаться одно из ее основных свойств. Было признано уже прочно, что человек не является неизменным, и налицо некоторая антропологическая динамика, пускай она до конца и не раскрыта. Но при этом человек еще мыслился как нечто единое и единственное, как одно определенное существо, наделенное определенными базовыми структурами, определенной конституцией. Иными словами, антропология оставалась строго монистической. Да, существовали уже разные концепции человека, кардинально отличающиеся друг от друга, но каждая из них, будь то классическая модель или концепции Фрейда, Ницше, полагала человека единственным, а не множественным и предлагала собственный подход к описанию этого единственного существа. Последней ступенью продвижения к самой общей концепции человека, лишенной всех априорных ограничений, неизбежно должен был стать отказ от этого постулата единственности, т.е. переход к *плюралистической антропологии*.

3. Человек меняющийся и множественный: постнеклассическая антропология. Синергийная антропология

Следующий, новейший этап в развитии наших взглядов на человека был логической неизбежностью. Здесь все слышали, вероятно, что самой популярной философской теорией в конце 20 в. стала так называемая теория деконструкции Жака Деррида. Деконструкция – точно найденный термин, крайне симптоматичный для своего времени. Начиная с середины 20 в. главной особенностью философской и антропологической мысли стал именно процесс непрерывной деконструкции, демонтажа, разборки, разваливания обширных строений, или «больших нарративов», созданных предшествующей, классической философией и антропологией. Разум работал по преимуществу в элементе критики, отбрасывания, отказа от прежних концептов, концепций и теорий. Эта его тенденция нарастала, делалась все более явной и наконец достигла кульминации в период, обычно именуемый постмодернизмом или постструктурализмом. Ведущие позиции в этот период занимала французская мысль, где, подобно России век назад, одновременно работала добрая дюжина философов мирового калибра. Одним из них был и Деррида. Употребляя термин деконструкция не в его точном смысле, а в широком и обобщенном, мы скажем, что интенсивнейшая деконструктивная активность западной мысли привела к тому, что весь период постмодернизма стали характеризовать двумя формулами: «время разрывов» (т.е. разрывов со всей прежней философией) и «время утрат».

Что касается утрат, то главной из них была Аристотелева сущность, краеугольный камень западного философствования, который сохранялся в антропологии и после смерти субъекта. Наличие сущности человека, универсальной и неотъемлемой, с необходимостью диктовало, что человек представляет собой единое существо, – иными словами, диктовало монизм антропологии. В период постмодернизма понятие сущности человека наконец отвергается, следом за всеми прочими элементами фундамента прежней антропологии. Путь к плюралистической антропологии был открыт: бессущностный человек вполне может быть множественным существом, представленным во многих независимых версиях или формациях.

Однако совершенно неясно, как следует продвигаться по этому пути. Что такое «плюралистическая антропология»? Отвергнув все основания, все

предпосылки и постулаты прежней антропологии, мы оказываемся в чистом поле. Как развивать теперь антропологическое описание, на какой основе? Сущность человека вместе с обширной сетью производных и зависящих от нее понятий играла максимально конструктивную роль для антропологического дискурса: она доставляла и содержание, и метод описания человека, ибо все узловые элементы этого описания были сущностны, и отношения между ними подчинялись хорошо известной логике сущностей. Все это теперь исчезает. И в итоге, после отказа от сущности человека становится необходима и неизбежна новая фронтальная постановка Проблемы Человека.

Отправной этап – это, очевидно, выбор или же поиск альтернатив сущности, т.е. новых формирующих, конституирующих человека принципов и отношений. Сразу скажем, что до сих пор какой-либо одной общепринятой альтернативы нет. Тут снова можно отметить параллелизм ситуации в самой антропологической реальности и в науке о человеке: антропология, описывающая человека как плюралистическое существо, сама тоже плюралистична. Сегодня существуют очень разные ее версии, отнюдь не находящиеся между собой в связи и согласии. Конечно, каждая из них представляет глубоко неклассическое видение человека или, иначе говоря, описывает некоторое неклассическое существо, однако характер и степень отхода, отклонения от классического образа человека у них оказываются весьма разными. Взгляд под этим углом позволяет свести основные современные опыты плюралистической антропологии в определенную последовательность, в которой радикальность отклонения постепенно растет, достигая наконец такой грани, когда «неклассическое существо» уже перестает быть человеком.

По определению, плюралистическая антропология – та, в которой человек множественен, т.е. существуют различные репрезентации или формации человека, каждая из которых независима и самодостаточна. Именно к такому типу принадлежит поздняя антропология Мишеля Фуко, которую он представил в концепции практик себя, развитой им в конце жизни, в 1980-84 гг. Сегодня эта антропология остается, вероятно, самым значительным достижением новой неклассической мысли о человеке. Фуко ввел важное понятие «практики себя» – такой практики, в которой человек целенаправленно изменяет всего себя, на всех уровнях своего существования, двигаясь к некоторому намеченному состоянию. В

этих практиках человек формирует свои базовые структуры, свою конституцию, так что на их основе возможно строить полноценное описание человека, которое будет в корне неклассическим, поскольку никаких понятий сущности или субъекта в нем не употребляется. При этом, данное описание отвечает плюралистической антропологии, ибо каждый класс конститутивных практик себя, задавая полную и законченную конституцию человека, тем самым определяет и полноценную, самодостаточную репрезентацию человека. В поздних работах Фуко детально описан ряд таких классов практик себя и отвечающих им антропологических образований. Интересно, что Фуко направляет внимание одновременно на древность и на современность, описывая практики себя и антропологические структуры поздней эллинистической античности, а также наших дней, пытаясь намечать антропологические модели для будущего.

Родственный пример плюралистической антропологии представляет и моя собственная «синергийная антропология». Она более систематична: здесь обнаруживается один общий механизм, путем которого складывается конституция человека: механизм «антропологического размыкания в предельном опыте», когда человек достигает границ своего сознания, своего опыта и делает себя открытым навстречу Другому, тому, что или кто вне этих границ. Выясняется, что способов такого размыкания всего три, и соответственно, существо Человек реализуется всего в трех базовых формациях. Три способа отвечают размыканию человека в опыте встречи с иным образом бытия, религиозном опыте, затем размыканию навстречу Другому, который внеположен горизонту опыта и сознания Человека, однако, как например бессознательное, принадлежит тому же, здешнему бытию, и наконец размыканию, происходящему в выходе в виртуальную реальность. Соответствующие формации именуется Онтологический Человек, Онтический Человек и Виртуальный Человек.

Сегодня синергийная антропология развита уже детально и основательно. Опыт показал, что ее аппарат весьма удобен для изучения духовных практик, а также явлений, где сочетаются антропологическое и социальное, и изменения с человеком сказываются на социальном уровне, в исторических и культурных процессах. В любой период в обществе преобладает некоторая определенная

формация человека, и с ходом истории происходит смена этой преобладающей формации. Прослеживая эту смену, мы представляем историю как историю Человека, получаем антропологическую картину истории. Значение антропологических факторов в глобальных процессах неуклонно растет, и сегодня такая картина весьма важна. Она показывает, что в христианскую эпоху долгое время доминирующей формацией был Онтологический Человек, однако затем он был вытеснен в ходе секуляризации. Преобладание перешло к формации, связанной с познанием и техническими практиками, а затем к формации Онтического Человека, куда входят, в частности, Человек Фрейда и Человек Ницше. Новая смена наметилась на рубеже тысячелетий: теперь к доминирующей роли активно продвигается Виртуальный Человек. Однако динамика современного развития непрерывно ускоряется, и наряду с утверждением Виртуального Человека уже обозначается и некоторый дальнейший этап, на котором Человек может исчезнуть вообще. Обозначаются тренды, в которых Человек сам стремится уступить место некоторому другому разумному существу. Как все, несомненно, слышали, этому существу обычно дают имя Постчеловек, и в заключение нашей лекции нам неизбежно надо с ним разобраться.

Здесь снова мы замечаем, как мысль о Человеке движется параллельно изменениям самого Человека, чутко улавливая тенденции этих изменений. Среди современных опытов плюралистической антропологии нетрудно найти и такие, которые в той или иной мере ориентированы уже в направлении к Постчеловеку. Подобные черты определенно присутствуют в антропологии Жан-Люка Нанси, как она представлена, прежде всего, в его основной книге «Бытие единичное множественное» (1996). Согласно ведущей идее Нанси, основания онтологии должны быть переформатированы таким образом, чтобы сама индивидуальность как принцип стала бы невозможной. Эта цель достигается путем наделения бытия фундаментальным предикатом совместности, «вместе»: по Нанси, изначально «бытие есть бытие-вместе». Отсюда вытекает деконструкция индивидуальности и самости: Нанси ставит знак равенства между *ego sum* и *ego cum*. Особая задача – провести такую трактовку применительно к телесности, ибо тело человека, казалось бы, явно и бесспорно демонстрирует отдельность и индивидуальность. Нанси виртуозно справляется с этой задачей, привлекая даже сугубо личный опыт перенесенной

им пересадки сердца. Тело осмысливается сугубо как часть сообщества тел, ««своего тела» не существует», говорит Нанси. И в итоге возникает новая, более радикальная версия плюралистичности Человека: человек здесь есть, несомненно, множественное, но при этом в антропологической реальности нельзя выделить каких-либо отдельных и автономных формаций, ибо эта реальность, хотя и множественна, но одновременно и слитна, «единична».

Позицию же наиболее радикального плюрализма занимает Делез, один из крупнейших философов 20 в. (1925-1995). Его видение человека предельно плюралистично, и он воинственно утверждает его во всех ситуациях, к примеру, заявляя о себе самом и своем соавторе Гаттари: «Каждого из нас – несколько». Как и у Нанси, у него исчезает сама инстанция индивидуального человека, ибо происходит кардинальное снятие границ индивидуальности. По Делезу, антропологическая реальность – это даже не ансамбль различных независимых репрезентаций или формаций человека, а некая множественная стихия или среда, которую он характеризует понятиями из разных естественнонаучных и технических дискурсов. Здесь нет никаких личностей, индивидов, действующих агентов, но только «сингулярности» и «сборки», сборно-разборные механические и отчасти биологические конструкции. Делез находит неадекватным описание этой реальности в обычном пространстве-времени, говоря вместо этого, что «множественность определяется линиями и измерениями, которые она охватывает в «интенсивности»». Интенсивность – это одно из его важнейших оригинальных понятий, характеристика, которая сродни энергии, и можно сказать, что в известной мере язык сущностей заменяется у Делеза языком интенсивностей, или «переменных интенсивных аффектов». Антропология Делеза на редкость богата и изобретательна, но вместе с тем, это антропология, в которой деконструкция Человека доводится до крайних пределов деиндивидуализации, обезличивания и расчеловечения, когда уже полностью исчезает не только субъект, но и всякая фигура человека. Можно сказать, что здесь антропологический дискурс, речь о Человеке, переходит в речь уже о некотором другом существе, которое Человеком назвать нельзя.

II. Сегодняшняя антропологическая ситуация.

Перспективы человека: уходящая натура?

Итак, мы добрались до наших дней, обнаружив, что сегодня Человек стоит на пороге новых изменений, притом самых крупных и необычных в своей истории. Очень предварительно, мы сказали, что процесс смены антропоформаций подошел к рубежу, за которым лежит уже не приход очередной новой формации, но уход Человека как такового. Как и подобает, в конце мы возвращаемся к началу, к названию нашей лекции: очевидно, что уход Человека – это и есть его превращение в уходящую природу. Сегодня этого еще не произошло, однако уход уже выступил как возможная и широко обсуждаемая перспектива Человека. Рассмотрим эту перспективу более пристально.

Разговор о перспективе Человека – это разговор о тех тенденциях, сценариях, трендах, которые заложены в сегодняшней антропологической ситуации. Раскрыть основные из них нетрудно, ибо здесь злоба дня, которая обсуждается на всех уровнях, от академических штудий до интернетного пустословия. Действительно, в кругу сегодняшних антропологических практик выделяется известная и влиятельная группа, в которой практики направляются к Постчеловеку. При этом само понятие Постчеловека остается туманным, у Постчеловека нет четкого определения, и с точностью можно указать, пожалуй, всего две его главные черты: Постчеловек – это носитель разума, разумное существо, которое, однако, заведомо не является Человеком. Но зато более отчетливо представляются связанные с ним практики, а также и те конкретные реализации Постчеловека, к которым практики направляются.

Как общеизвестно, Постчеловек замышляется на базе современных высоких технологий, и с двумя видами этих технологий связаны две разные версии Постчеловека: на базе компьютерных технологий конструируется Постчеловек-Киборг, сращение человека с компьютером, а на базе генотехнологий конструируется Постчеловек-Мутант, разумное существо с нечеловеческим геномом. К ним надо еще добавить проект трансгуманизма, предполагающий перевод содержания сознания человека в форму компьютерных программ, затем загружаемых в компьютерную сеть. Однако техническая сторона проектов Постчеловека несущественна для нашей антропологической темы. По отношению к Человеку, Постчеловек – это его сменщик или точнее могильщик,

поскольку с водворением Постчеловека Человек прекращает существование. Можно сказать поэтому, что практики, ведущие к Постчеловеку, в своей совокупности образуют тренд Ухода Человека. Активное развитие этого тренда означает, что Человек сам деятельно осуществляет свой уход, и это странное поведение, конечно, вызывает вопросы. Главные из них связаны с мотивацией тренда, а также с его оценкой, нашим отношением к нему.

Итак, почему и зачем Человек начал стремиться уйти, осуществить своего рода «видовую эвтаназию»? Нельзя не заметить, что такое намерение означает диаметральный поворот в отношении Человека к себе, в его оценках своих возможностей. В истоке культуры Нового Времени – культура Ренессанса, лейтмотив которой – восхищение Человеком, гимн Человеку, утверждение его безграничных возможностей. В истоке тренда Ухода – неверие Человека в свои дальнейшие возможности, глубокая видовая усталость. Разумеется, сторонники тренда выдвигают аргументы в его пользу, утверждают преимущества Постчеловека над Человеком и находят в переходе к нему массу благ. Их вдохновляют новые технологии и ожидаемая мощь интеллекта. Но попробуем взглянуть трезво.

Что сулит тренд? Уход от Человека, расчеловечение, заведомо принесет утраты множества человеческих содержаний. Уже и время Виртуального Человека несет распад этики. Он несомненно усугубится, а в добавление к этому наверняка будут должны исчезнуть мир эмоций и вся культура чувств, миры искусства и духовной культуры и еще многое – в частности, институт семьи. Рэй Курцвейл, великий авторитет в компьютерном мире, «кибер-гуру», определяет главные задачи постчеловеческого общества так: «постижение Вселенной, корректировка законов физики и путешествия в другие измерения». Все это суть задачи естественнонаучного познания. Все нами названные миры, вся гуманитарная сфера не предполагаются в светлом будущем Постчеловека.

Отчего же, на каком основании мы должны считать это постчеловеческое будущее наилучшим финалом человеческого развития? Это, мягко говоря, спорно. Нас зовут в некие дополнительные измерения внешнего мира, забывая при этом, что у Человека еще имеется множество внутренних измерений. Он сам созидает их, и в них идет богатая жизнь, они могут приумножаться, и их возможности поныне не только не исчерпаны, но и не измерены. Могут сказать,

что это всего лишь «воображаемые» измерения, однако в эпоху виртуализации ясно, что это негодный аргумент. В пространстве внутренней жизни и на его базе разворачивается творчество человека, его интеллектуальные и художественные, нравственные и духовные практики. Как выясняет философия, их реальность – не столько воображаемая и субъективная, сколько трансцендентальная и транс-субъективная, имеющая свои правила организации и критерии достоверности. Да, она иная, нежели реальность внешнего мира, но и виртуальная реальность тоже иная, что не лишает ее первостепенной важности. Внутренний и внешний миры Человека – это миры сообщающиеся, взаимодействующие и нуждающиеся друг в друге. С какой же стати нужно уничтожить или обрезать до полной ничтожности один из них, отдав безраздельно приоритет и примат другому?! Повторим: измерения внутреннего мира – это также реальность со своими законами, и происходящее в этих измерениях имеет не меньшую ценность и интерес, чем события в физическом мире, чем все черные дыры и космические полеты. Здесь могут нас ждать не менее крупные и поражающие открытия. И доказать противное заведомо невозможно.

Итак, мотивы тренда к Постчеловеку для нас оказываются неубедительны. Мы не находим оснований считать Постчеловека желательным антропологическим финалом и не хотим, чтобы все в Человеке, что чуждо Постчеловеку, было бы отброшено. Но если так, Человек нуждается в защите! Встает вопрос об *экологии Человека*, о поиске стратегий, которые способствовали бы его сохранению и могли бы осуществлять коррекцию тренда к Постчеловеку, его сдерживание или купирование.

Вопрос о необходимости сдерживания, регуляции тренда к Постчеловеку возник уже на его ранних стадиях. Как правило, этот вопрос решался в русле политических и правовых мер. К примеру, законодательные ограничения на геноинженерные исследования сегодня уже существуют в большинстве стран. Однако, не отрицая подобных мер, нельзя не признать вместе с тем, что, как всякие запретительные меры, они могут быть только временными и ненадежными. По своей природе они поверхностны: действительное преодоление антропологического тренда может быть достигнуто лишь действиями на антропологическом же уровне. Уход Человека – это определенная его установка. Противоположность этой установке – *присутствие*, решимость

присутствовать, НЕ уходить. И это значит, что прямое противодействие тренду Ухода, его купирование – это присутствие, понятое как антропологическая установка. Иными словами, тренд Ухода становится невозможен, если Человек берет на себя миссию присутствия: осознает себя как того, кто неотъемлемо присутствует в реальности, как «присутствующее бытие».

Здесь наша тема неожиданно входит в самый центр современной философии. Концепция человека как «присутствия» (Dasein, présence), восходящая к Хайдеггеру, ныне стала одной из ведущих в современной мысли о человеке. В такой концепции человек наделен отношением к бытию, он актуализует «онтологическое различие» между бытием и сущим и представляет собою онтологическую инстанцию. В синергийной антропологии ему соответствует формация Онтологического Человека – человека, который конституируется в предельном опыте размыкания себя к иному образу бытия. Бывшая доминирующей в течение длительной эпохи, эта формация, начиная с Нового Времени и Просвещения, интенсивно вытеснялась процессами секуляризации в пользу других формаций, последними из которых, уводящими уже Человека к уходу со сцены, стали Виртуальный Человек и Постчеловек. И мы получаем вывод: та стратегия, что может доставить действенную и коренную альтернативу тренду к Постчеловеку, – это стратегия возврата Онтологического Человека, если не к доминирующему, то к значительному, весомому положению в антропологической ситуации.

Однако, возвращаясь, он должен быть адекватным сегодняшней антропосоциальной реальности, и это неизбежно требует его обновления, «другого начала», как говорят в философии. В каком виде, в какой репрезентации Онтологического Человека может осуществиться его возврат? Сегодня это большой открытый вопрос. Но мы уже знаем, что этот возврат открывает перспективу, в которой у Человека есть будущее.

2016.